

Л. Н. Толстой

Анна Каренина

L. N. Tolstoj
Anna Karenina

Pro výuku upravila Aljona Podlesnych

Dvojjazyčná kniha

- český překlad na protější straně
- komentáře gramatických a lexikálních jevů

Nahrávka MP3 zdarma na www.albatrosmedia.cz
Román v ruštině namluvený rodilou mluvčí

Anna Karenina

Vyšlo také v tištěné verzi

Objednat můžete na
www.edika.cz
www.albatrosmedia.cz

Lev Tolstoj
Anna Karenina – e-kniha
Copyright © Albatros Media a. s., 2019

Všechna práva vyhrazena.
Žádná část této publikace nesmí být rozšiřována
bez písemného souhlasu majitelů práv.

ALBATROS **MEDIA**

Předmluva

Milí čtenáři,

máte před sebou zkrácenou verzi románu Anna Karenina Lva Nikolajeviče Tolstého. Originální verze slavného románu má světový význam. Autor prací nad románem strávil čtyři roky, a to léta 1873–1877. Cílem spisovatele bylo vytvořit aktuální a tvrdě polemické dílo o ruském životě. Kompozice díla je postavena na protikladu dvou dějových linií – rodinné drama Anny Kareniny je ukázáno v kontrastu k životu a domácí idyle mladého statkáře Konstantina Levina, jehož postava je blízká samotnému autorovi nejen životním stylem, ale i přesvědčením.

Zkrácená verze románu, kterou držíte v ruce, obsahuje pouze jednu dějovou linii z původní kompozice, a to rovinu vztahu Anny Kareniny a Alexeje Vronského, která je nejdramatičtější. Kromě samotného textu ve dvou jazycích – češtině a ruštině, naleznete v publikaci také odkazy na historické souvislosti týkající se státních záležitostí a společenského a soukromého života ruské společnosti konce 19. století. Dále je text doprovázen výkladem použitých frazeologismů, zastaralých výrazů a gramaticko-lexikálních zvláštností ruského jazyka v porovnání s češtinou. Důležitou přílohou knihy je audionahrávka zkrácené verze románu v ruštině, která je namluvena rodilou mluvčí.

Přejeme příjemnou četbu a poslech a mnoho hezkých chvil s knihou!

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Всё смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж изменял ей с бывшей француженкой-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Всё это было мучительно для всех членов семьи. Жена не выходила из своей комнаты, мужа третий день не было дома. Дети бегали по дому без присмотра.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский (все его называли коротко – Стива) проснулся в своём кабинете на диване... Он вскочил, сел на диван и открыл глаза. Он вспомнил, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете. Он вспомнил опять все подробности ссоры с женой, ощутил безвыходность своего положения и свою вину.

Степан Аркадьич не раскаивался в своём поступке. Он не мог раскаиваться в том, что он, 34-летний красивый влюбчивый мужчина, не был влюблён в жену. Он раскаивался только в том, что не сумел это скрыть от неё. Ему давно казалось, что жена догадывается, но смотрит на его неверность сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, состарившаяся, уже некрасивая 33-летняя женщина должна быть снисходительна. Но оказалось иначе. «Ах, ужасно! – твердил Степан Аркадьич. – Как хорошо всё было раньше! Она была довольна, возилась с детьми, с хозяйством. Правда, нехорошо, что любовница была гувернанткой в доме. Есть что-то пошлое в уходе за гувернанткой. Но ведь пока она была у нас в доме, я не позволял ничего...»

Степан Аркадьич встал и громко позвонил. Тотчас же вошёл слуга Матвей, неся платье, сапоги и телеграмму.

Степан Аркадьич прочитал телеграмму, и лицо его просияло.

– Матвей, сестра Анна Аркадьевна приедет завтра, – сказал он.

– Слава богу, – сказал Матвей, показывая, что он понимает значение этого приезда: Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может примирить мужа с женой.

– Доложи Дарье Александровне. И вот возьми телеграмму, передай, что она скажет.

Степан Аркадьич уже был умыт, расчёсан и собирался одеваться, когда Матвей с телеграммой в руке вернулся в комнату:

.....

Гувернантка – guvernantka, vychovatelka v šlechtických rodinách, většinou cizinka, naja-tá na výchovu a domácí vzdělávání dětí.

Všechny šťastné rodiny si jsou navzájem podobné, každá nešťastná rodina je nešťastná po svém.

V domě Oblonských se vše zamotalo. Manželka se dozvěděla, že ji manžel podváděl s bývalou vychovatelkou, Francouzkou, a oznámila manželovi, že s ním nebude žít v jednom domě. To trápiho všechny členy rodiny. Manželka nevycházela ze svého pokoje, manžel třetí den nebyl doma a děti běhaly po domě bez dozoru.

Třetí den po hádce se kníže Stěpan Arkadjič Oblonskij (všichni mu zkráceně říkali Stiva) probudil ve své pracovně na pohovce... Vyskočil, posadil se na pohovku a otevřel oči. Vzpomněl si, jak a proč spí v pracovně, nikoli v ložnici u své ženy. Znovu si vybavil všechny podrobnosti hádky s manželkou a uvědomil si bezvýchodnost situace a svou vinu.

Stěpan Arkadjič se ze svého činu nekál. Nemrzelo ho, že on, čtyřiatřicetiletý dobře vypadající muž, který se snadno zamiluje, nebyl zamilován do své manželky. Mrzelo ho jenom to, že to před ní nedokázal utajit. Už dlouho se mu zdálo, že manželka něco tuší, ale jeho nevěru přehlíží. Dokonce měl dojem, že ona, zestárlá třiatřicetiletá žena, která už není moc hezká, musí být shovívavá. Jenže vše bylo jinak. „Ach, je to hrozné!“ tvrdil Stěpan Arkadjič. „Jak bylo dříve dobře! Byla spokojená, věnovala se dětem a domácnosti. Pravda, nebylo dobré, že milenka byla u nás doma vychovatelkou. Na dvoření se guvernantce je něco trapného. Ale přece dokud byla v našem domě, nic jsem si nedovolil...”

Stěpan Arkadjič vstal a hlasitě zazvonil. Okamžitě vešel sluha Matvěj, který nesl oblečení, vysoké boty a telegram.

Stěpan Arkadjič si přečetl telegram a obličej se mu rozzářil.

„Matvěji, sestra Anna Arkadjevna přijede zítra,“ řekl.

„Zaplat’ pánbůh,“ řekl Matvěj, dáváje tím najevo, že chápe význam této návštěvy: Anna Arkadjevna, nejoblíbenější sestra Stěpana Arkadjiče, může manžele usmířit.

„Informuj Darju Alexandrovnu. Vezmi si ten telegram, dej jí ho a řekni mi pak, co ona na to.“

Stěpan Arkadjič se už umyl, učesal a chystal se oblékat, když se Matvěj s telegramem v ruce vrátil do pokoje:

.....

Смотреть сквозь пальцы (*fraz.*) – tvářit se, že si nevšímáte ničeho nedovoleného. V češtině tomu odpovídá význam přehlížet, tiše přecházet něco nedovoleného.

– Дарья Александровна приказала доложить, что она уезжает.

Жалкая улыбка показалась на красивом лице Степана Аркадьича. Он медлил. Ему доложили, что карета готова, и Степан Аркадьич взял шляпу и остановился: не забыл ли чего. Оказалось, что он ничего не забыл, кроме того, что хотел забыть, – жену. Он опустил голову, и его красивое лицо приняло тоскливое выражение. «Пойти или не пойти к ней сейчас?» – говорил он себе. И внутренний голос говорил ему, что ходить не надо. Поправить их отношения невозможно, потому что нельзя сделать её привлекательной и возбуждающей. Также как и невозможно сделать его стариком, не способным любить. Кроме фальши и лжи, ничего не могло быть; а фальшь и ложь были противны его натуре. «Однако когда-нибудь же нужно; ведь не может это так оставаться», – сказал он, набираясь смелости. Он выпрямился, быстрыми шагами прошёл через мрачную гостиную и открыл другую дверь – в спальню жены.

– Долли! – сказал он тихим робким голосом.

Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. «Да, он счастлив и доволен! – подумала она, – а я?!»

– Что тебе нужно? – сказала она.

– Долли! – повторил он с дрожанием в голосе. – Анна приедет сегодня.

– Ну что же мне? Я не могу её принять! – не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью.

Степан Аркадьич надеялся, что всё образуется. Но когда он увидел её страдальческое лицо, у него перехватило дыхание, что-то подступило к горлу, и глаза его заблестели слезами.

– Боже мой, что я сделал! Долли! – он не мог продолжать, рыдание остановилось у него в горле. – Прости! Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он как-нибудь разуверит её.

– Минуты... минуты увлечения... – выговорил он, но при этом слове поджались её губы и на лице запрыгал мускул.

– Долли! – проговорил он, уже всхлипывая. – Подумай о детях, они не виноваты. Я виноват, меня накажи. Нет слов сказать, как я виноват! Долли, прости!

Она села. Он слышал её тяжелое, громкое дыхание, и ему было невыразимо жалко её. Она несколько раз хотела начать говорить, но не могла. Он ждал.

.....

V šlechtických rodinách v 19. století bylo zvykem používat **francouzské či anglické podoby ruských jmen**, proto se v textu románu objevují Дóлли (Дáрья), Кíти (Екатерíна), Стíва (Степáн), Бéтси (Елизавéта).

„Darja Alexandrovna přikázala, abych vám vyřídil, že odjíždí.“

Na pohledném obličejí Stěpana Arkadjiče se objevil žalostný úsměv. Dával si na čas. Oznámili mu, že kočár je připraven, Stěpan Arkadjič si vzal klobouk a zarazil se: snad něco nezapomněl. Vyšlo najevo, že na nic nezapomněl, kromě toho, na co zapomenout chtěl – na manželku. Sklonil hlavu a jeho pohledný obličej dostal teskný výraz. Mám, nebo nemám za ní teď zajít?“ říkal si. A vnitřní hlas mu říkal, že to není třeba. Napravit jejich vztahy není možné, protože ji nelze učinit přitažlivou a vzrušující. Stejně tak, jako není možné jeho změnit na starce, neschopného milovat. Kromě falše a lži nemohlo být nic; a falš a lež byly jeho povaze odporné. „Niméně jednou to přece jenom bude třeba; vždyť to přece nemůže takto zůstat,“ řekl si, zatímco sbíral odvalu. Narovnal se, rychlými kroky přešel přes tmavý obyvací pokoj a otevřel další dveře – do ložnice své manželky.

„Dolly!“ řekl tichým nesmělým hlasem.

Rychlým pohledem si prohlédla od hlavy až k patě jeho postavu zářící svěžestí a zdravím. „Ano, je šťastný a spokojený!“ pomyslela si. „A co já?!“

„Co potřebuješ?“ řekla.

„Dolly!“ zopakoval chvějícím se hlasem, „Anna dnes přijede.“

„Co je mi po tom? Nemohu ji přijmout!“ zvolala, aniž by se na něho podívala, jako by ten výkřik vyvolala fyzická bolest.

Stěpan Arkadjič doufal, že se vše urovná. Jenže jakmile uviděl její trpící obličej, ztratil dech, sevřelo se mu hrdlo a v očích se mu zaleskly slzy.

„Bože můj, co jsem to udělal! Dolly!“ nemohl pokračovat, vzlyky mu uvízly v hrdle. „Odpusť! Vzpomeň si, copak devět let nemůže vykoupit minuty, minuty...“

Sklopila oči a poslouchala, čekala, že ji nějak přesvědčí o opaku.

„Minuty..., minuty rozptýlení...,“ vyslovil, ale při tom slově se jí semkly rty a v tváři jí škublo.

„Dolly!“ promluvil se vzlykem. „Pomysli na děti, ony za nic nemohou. Já jsem vinen, potrestej mě. Má vina se nedá vyjádřit slovy! Dolly, odpusť mi!“

Posadila se. Slyšel její těžký, hlasitý dech a bylo mu jí nevýslovně líto. Několikrát chtěla začít mluvit, ale nemohla. Čekal.

V ruštině jsou hojně používány **infinitivní věty**, které mají funkci zjišťovací otázky. Do češtiny je můžeme přeložit tázacími větami typu *mám/měl bych něco udělat?* V případě, že chceme sdělit, kdo má něco udělat, přidáváme osobní zájmeno nebo podstatné jméno ve 3. pádě:

Пойти́ или не пойти́ к ней сейча́с?

Mám, nebo nemám za ní teď zajít?

Идти́ мне туда́ или не идти́?

Má tam jít, nebo ne?

Что им сейча́с де́лать?

Co mají teď dělat?

– Ну, скажи, после того, что было, разве нам можно жить вместе? После того как мой муж, отец моих детей, вступает в связь с гувернанткой своих детей... Ты мне гадок, отвратителен! – закричала она, горячася всё более и более. – Твои слёзы – вода! Ты мерзок, гадок, ты чужой! – с болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово «чужой». – Я уеду, а ты живи здесь со своей любовницей!

И она вышла, хлопнув дверью.

Её злоба испугала и удивила его. Он не понимал, что его жалость к ней раздражала её. Она видела жалость, но не любовь. «Нет, она ненавидит меня. Она не простит», – подумал он.

Дарья Александровна по звуку кареты поняла, что он уехал и вернулась в спальню. «Уехал! Но неужели они и теперь встречаются? – думала она. – Нет, если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Чужие! А как я любила его! И теперь разве я не люблю его?»

Степан Аркадьич занимал должность с хорошим жалованьем. Место это он получил благодаря Алексею Александровичу Каренину, мужу сестры Анны. Приехав на работу, Степан Аркадьич прошёл в свой маленький кабинет и надел мундир. Все служащие встали, весело и почтительно кланяясь. Степан Аркадьич прошёл к своему месту, пожал руки и сел.

Вдруг кто-то вошёл.

– Левин! – воскликнул Облонский. – Как это ты решился найти меня здесь? Давно ли приехал?

– Я только приехал, и очень хотелось тебя увидеть, – отвечал Левин.

Левин был одних лет с Облонским. Он был его товарищем и другом ранней молодости. Они любили друг друга, несмотря на различие характеров, вкусов и занятий. Друзья разговорились. Левин открылся Степану Аркадьичу: он приехал в Москву, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой – свояченице Облонского. Степан Аркадьич знал, что Левин давно в неё влюблён. После короткой паузы Облонский спросил:

– А ты знаешь графа Вронского? Нет? А это один из твоих конкурентов. Вронский богат, красив, с большими связями. Это человек, который далеко пойдёт.

Левин нахмурился и замолчал.

– Ну-с, он появился здесь вскоре после тебя, – продолжал Облонский, – и, как я понимаю, он по уши влюблён в Кити. Но мне кажется, шансы на твоей стороне. Я бы советовал тебе решить это как можно скорее. Поезжай завтра утром и сделай предложение, и да благословит тебя бог...

.....

Сделать предложение (*fraz.*) – požádat o ruku
Свояченица – manželčina sestra

„No řekni, copak můžeme spolu žít po tom, co bylo? Poté, co si můj muž, otec mých dětí, něco začne s jejich guvernankou... Hnušíš se mi, jsi odporný!“ zakřičela a stále více se rozohňovala. „Tvé slzy nejsou víc než voda! Jsi mi odporný, hnusný, jsi mi cizí!“ s bolestí a zlostí vyslovila to strašné slovo „cizí“. „Já odjedu, a ty si tu žij se svou milenkou!“

Odešla a práskla za sebou dveřmi.

Její zlost ho vyděsila a překvapila. Nechápal, že jeho lítost ji dráždila. Viděla lítost, ale nikoli lásku. „Ne, nenávidí mě. Neodpustí mi,“ pomyslel si.

Darja Alexandrovna podle zvuku kočáru pochopila, že odjel, a vrátila se do ložnice. „Odjel! Ale je možné, že by se i teď ještě scházeli?“ myslela si „Ne, i kdybychom zůstali v jednom domě – jsme si cizí. Cizí! A jak jsem ho milovala! A teď, copak ho už nemiluji?“

Stěpan Arkadjič zastával úřad s dobrým platem. Toto místo získal díky Alexeji Alexandroviči Kareninovi, manželovi své sestry Anny. Jakmile Stěpan Arkadjič přijel do práce, prošel do své malé kanceláře a oblékl si uniformu. Všichni zaměstnanci povstali a vesele a uctivě se ukláněli. Stěpan Arkadjič přešel na své místo, potřásl si se všemi rukama a posadil se.

Najednou někdo vstoupil.

„Levine!“ zvolal Oblonskij. „Jak to, že ses rozhodl mne tady najít? Jsi tady už dlouho?“

„Právě jsem přijel a moc jsem tě chtěl vidět,“ odpověděl Levin.

Levin byl stejně starý jako Oblonskij. Byl jeho kamarád a přítel z raného mládí. Měli se rádi bez ohledu na své různé povahy, vkus a to, čím se zabývali. Přátelé se rozpovídali. Levin prozradil Stěpanovi Arkadjiči, že přijel do Moskvy, aby požádal o ruku Kitty Ščerbackou – švagrovou Oblonského. Stěpan Arkadjič věděl, že Levin ji už dávno miluje. Po krátké přestávce se Oblonskij zeptal:

„Znáš hraběte Vronského? Ne? A přitom je to jeden z tvých soků. Vronskij je bohatý, dobře vypadá, má důležité styky. Je to člověk, který se dostane daleko.“

Levin se zachmuřil a zmlkl.

„No, objevil se brzy po tobě,“ pokračoval Oblonskij, „a, jak tomu rozumím, je až po uši zamilovaný do Kitty. Mně se však zdá, že šance jsou na tvé straně. Doporučoval bych ti řešit to co nejdříve. Jeď zítra ráno a požádej ji o ruku. Bůh ti žehnej...“

Přidáním hlásky «e», vyjadřující zkratku slova «сударь» – „milostpán“, se v jazyce starých šlechticů vyjadřovalo zachování starých dobrých tradic, vlastenectví a úcty ke starším. Tato částice je však zastaralá a v současné ruštině se už nepoužívá.

Княжне Кити Щербацкой было восемнадцать лет. Частые посещения Левина в течение всей зимы и нескрываемая любовь к Кити стали поводом для первых серьёзных разговоров между родителями Кити. Князь был на стороне Левина, говорил, что он ничего не желает лучшего для Кити. Княгиня же ждала лучшей партии для дочери, а Левин был ей несимпатичен. Когда он внезапно уехал, княгиня была рада. Когда же появился Вронский, она ещё более была рада: Кити должна сделать не просто хорошую, но блестящую партию.

Вронский был очень богат, умён, знатен и обворожителен. Нельзя было ничего лучшего желать. На балах Вронский ухаживал за Кити, танцевал с ней и ездил в дом к Щербацким, и нельзя было сомневаться в серьёзности его намерений. Но несмотря на это, мать Кити всю зиму находилась в беспокойстве и волнении. На прошлой неделе Кити рассказала ей о своём разговоре с Вронским. Разговор этот только отчасти успокоил княгиню. Вронский сказал Кити, что он так привык во всём подчиняться своей матери, что никогда не решится предпринять что-нибудь важное, не посоветовавшись с ней. «И теперь я жду, как особенного счастья, приезда матушки из Петербурга», – закончил он. Кити рассказала это, не придавая никакого значения этим словам. Но мать поняла это иначе.

Когда Кити узнала о неожиданном прибытии Левина, она догадалась, зачем он явился после долгого перерыва. Когда она размышляла о прошлом, она с удовольствием, с нежностью думала о Левине. Его любовь к ней была лестна и радостна для неё. И ей легко было вспомнить о Левине. А к воспоминанию о Вронском примешивалось что-то неловкое, как будто в его чувствах к ней была какая-то фальшь. Но зато когда она думала о будущем с Вронским, перед ней вставала блестящая перспектива. С Левиным же будущее представлялась туманным.

Слуга доложил: «Константин Дмитрич Левин». «Так и есть», – подумала Кити, и кровь прилила ей к сердцу. Она ужаснулась своей бледности, взглянув в зеркало. Она понимала, что он приехал рано, чтобы застать её одну и сделать предложение. И тут только в первый раз всё дело представилось ей совсем с другой, новой стороны. Она должна оскорбить человека, которого она любит. И оскорбить жестоко... За что? За то, что он влюблён в неё. Но делать нечего, так нужно.

Сделать блестящую партию (*fraz.*) – dobře se provdat

Kněžně Kitty Ščerbacké bylo osmnáct let. Časté Levinovy návštěvy v průběhu celé zimy a neskryvaná láska ke Kitty se staly důvodem pro první vážné rozmluvy mezi Kittinými rodiči. Kníže stranil Levinovi, říkal, že si pro Kitty nepřeje nic lepšího. Kněžna však pro dceru čekala lepší partii, Levin jí nebyl sympatický. Když náhle odjel, byla ráda. A když se objevil Vronskij, byla ještě radši: Kitty se nesmí provdat jen dobře, ale skvěle.

Vronskij byl velmi bohatý, inteligentní, urozený a okouzlující. Nebylo možné si přát nic lepšího. Na bálech se Vronskij Kitty dvořil, tančil s ní a jezdil domů ke Ščerbackým – pochybovat o vážnosti jeho záměrů nebylo možné. Nicméně Kittina matka prožila celou zimu v neklidu a obavách. Minulý týden jí Kitty vyprávěla o svém rozhovoru s Vronským. Tento rozhovor uklidnil kněžnu jen částečně. Vronskij řekl Kitty, že si natolik zvykl podřídit se ve všem své matce, že se nikdy neodhodlá podniknout něco důležitého, aniž by se s ní poradil. „A nyní čekám obzvlášť šťastně na příjezd matičky z Petěrburgu,“ zakončil. Kitty to vyprávěla a jeho slovům nepřisuzovala žádný velký význam. Matka je však pochopila jinak.

Jakmile se Kitty dozvěděla o nečekaném příjezdu Levina, uhodla, proč se objevil po tak dlouhé přestávce. Když přemýšlela o minulosti, myslela na Levina s potěšením a něžností. Jeho láska jí lichotila a těšila ji. A na Levina vzpomínala s lehkostí. Ke vzpomínkám na Vronského se přidávalo něco divného, jako by v jeho citech k ní byla jakási faleš. Zato však, když přemýšlela o budoucnosti s Vronským, zjevovala se před ní zářivá perspektiva. S Levinem se pak budoucnost jevila mlhavě.

Sluha oznámil: „Konstantin Dmitrič Levin“. „A je to tady,“ pomyslela si Kitty a srdce se jí rozbušilo. Když na sebe pohlédla do zrcadla, vyděsila ji její bledost. Uvědomovala si, že přijel brzy, aby ji zastihl o samotě a požádal ji o ruku. A tehdy poprvé se jí celá záležitost vyjevila ze zcela jiné, nové stránky. Musí ublížit člověku, kterého miluje. A ublížit krutě... Za co? Za to, že ji miluje. Nedá se však nic dělat, musí to tak být.

Jmenné (krátké) tvary přídavných jmen se na rozdíl od složených tvarů používají v ruštině pouze v přísudku.

Вронский был очень богат, умён,
знатен и обворожителен.

Его любовь была лестна и радостна для неё.

*Vronskij byl velmi bohatý, inteligentní,
urozený a okouzlující.*

Jeho láska jí lichotila a těšila ji.

«Боже мой, неужели это я сама должна сказать ему? – подумала она. – Ну что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю? Это будет неправда. Что ж я скажу ему? Скажу, что люблю другого? Нет, это невозможно».

– Я не вовремя, кажется, слишком рано, – сказал он, оглянув пустую гостиную.

– Но я только того и хотел, чтобы застать вас одну, – начал он, не садясь и не глядя на неё, чтобы не потерять смелости.

Она всё ниже и ниже склоняла голову, сама не зная, что будет отвечать.

– Я хотел сказать... я хотел сказать... Я приехал, чтобы... будьте моей женой! – проговорил он, не зная сам, что говорит. Он остановился и посмотрел на неё.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторг. Душа её была переполнена счастьем. Она не ожидала, что высказанная его любовь произведёт на неё такое сильное впечатление. Но это продолжалось только одно мгновение. Она вспомнила Вронского. Она подняла на Левина свои светлые правдивые глаза и поспешно ответила:

– Этого не может быть... простите меня...

Как за минуту тому назад она была близка ему, как важна для его жизни! И как теперь она стала чужда и далека ему!

Он поклонился и хотел уйти...

Но в это время вышла княгиня. На её лице изобразился ужас, когда она увидела их одних и их расстроенные лица. Левин поклонился ей и ничего не сказал. Кити молчала, не поднимая глаз. «Слава богу, отказала», – подумала мать, и лицо её просияло обычной улыбкой, с которой она встречала гостей. Она села и начала расспрашивать Левина о его жизни в деревне. Он сел опять, ожидая приезда гостей, чтоб уехать незаметно.

Через пять минут в числе других гостей вошёл мужчина. «Это должен быть Вронский», – подумал Левин и, чтоб убедиться в этом, взглянул на Кити. По одному взгляду её просиявших глаз Левин понял, что она любила этого человека.

Вронский был невысокий, плотно сложенный брюнет, с красивым, спокойным лицом. Он подошёл к княгине и потом к Кити. Когда он подходил к ней, его красивые глаза особенно нежно заблестели, и с чуть заметной счастливой улыбкой он почтительно и осторожно протянул ей руку.

.....

Časové předložky v ruštině:

через 5 минут

5 минут спустя

100 лет тому назад

в течение 100 лет

za 5 minut

za 5 minut poté

před 100 lety

během 100 let

„Bože můj, opravdu mu to musím říci já sama?“ pomyslela si. „Co mu mám povědět? To mu mám říct, že ho nemiluji? To nebude pravda. Co mu tedy povím? Řeknu, že miluji jiného? Ne, to není možné.“

„Jdu nevhod, zdá se, je příliš brzy,“ řekl a obhlédl prázdný salón.

„Chtěl jsem vás jen zastihnout o samotě,“ začal, aniž by se posadil, aniž by se na ni podíval, aby neztratil odvahy.

Skláněla hlavu níž a níž, sama nevěděla, co odpoví.

„Chtěl jsem říci..., chtěl jsem říci... Přijel jsem, aby... Buďte mou ženou!“ promluvil a sám nevěděl, co říká. Odmlčel se a pohlédl na ni.

Těžce dýchala, nedívala se na něj. Cítila nadšení. Její duše překypovala štěstím. Nečekala, že vyznání lásky na ni tak silně zapůsobí. Trvalo to však jen okamžik. Vzpomněla si na Vronského. Pozvedla k Levinovi své světlé upřímné oči a rychle odpovíděla.

„Není to možné... Odpusťte mi...“

Jak mu jen před minutou byla blízká, jak důležitá v jeho životě! A jak se mu nyní odcizila a vzdálila!

Uklonil se a chtěl odejít...

Ale v tom okamžiku vešla kněžna. Na tváři se jí objevilo zděšení, když je uviděla o samotě a spatřila jejich rozrušené obličeje. Levin se jí uklonil a nic neřekl. Kitty mlčela a klopila oči. „Sláva bohu, odmítla ho,“ pomyslela si matka a obličej se jí rozzářil obvyklým úsměvem, kterým vítala hosty. Posadila se a začala se vyptávat Levina na jeho život na vsi. Znovu se posadil a čekal na příjezd hostů, aby mohl nenápadně odjet.

Za pět minut vešel mezi ostatními hosty muž. „To musí být Vronskij,“ napadlo Levina, a aby se o tom přesvědčil, pohlédl na Kitty. Podle jediného pohledu jejich rozzářených očí Levin pochopil, že tohoto člověka miluje.

Vronskij byl menší, dobře stavěný brunet s krásnou, klidnou tváří. Přistoupil ke kněžně a poté ke Kitty. Když se k ní přibližoval, zaleskly se jeho krásné oči obzvlášť něžně a se sotva patrným šťastným úsměvem jí uctivě a opatrně podal ruku.

Jsou-li v ruské **účelové větě** oba činitelé stejní, v přísudku vedlejší věty se používá infinitiv:

Он сел опять, ожидая приезда гостей, чтоб уехать незамётно.

(V obou případech je činitel on.)

Znovu se posadil a čekal na příjezd hostů, aby mohl nenápadně odjet.

Лéвин приехал, чтобó просить Кíти стать его женой.

(V obou případech je činitel Levin.)

Levin přijel, aby požádal Kitty o ruku.

Левин хотел незаметно ускользнуть. И тут вошёл старый князь и обратился к Левину.

– А! – начал он радостно. – Давно ли? Я и не знал, что ты тут. Очень рад вас видеть.

Старый князь иногда «ты», иногда «вы» говорил Левину. Он обнял Левина и, говоря с ним, не замечал Вронского, который встал и спокойно дожидался, когда князь обратится к нему. Кити почувствовала, как холодно её отец ответил на поклон Вронского. И как Вронский с недоумением посмотрел на него, стараясь понять, за что князь был к нему недружелюбным.

Когда вечер кончился, Кити рассказала матери о разговоре с Левиным, и, несмотря на жалость к нему, её радовала мысль, что ей было сделано предложение. У неё не было сомнения, что она поступила правильно. «Жалко, но что делать? Я не виновата», – говорила она себе; но внутренний голос говорил ей другое. Её счастье было отравлено сомнениями.

На балах Вронский танцевал преимущественно с Кити. Он говорил с ней о том, о чём говорят обычно: разную чепуху. Однако он чувствовал, что она всё более зависела от него. И чем больше он это чувствовал, тем ему было приятнее, и его чувство к ней становилось нежнее. Но в этот вечер Вронский почувствовал, что духовная связь, которая возникла между ним и Кити, утвердилась так сильно, что надо что-то предпринять. «То и прелестно, – думал он, возвращаясь от Щербацких, – что ничего не сказано, но мы понимаем друг друга в разговоре взглядов и интонаций. А это яснее, чем если бы она сказала, что любит. Мило, просто и доверчиво! Мне хорошо, и ей хорошо».

На другой день Вронский выехал на станцию Петербургской железной дороги встречать мать. Там он встретил Облонского, ожидавшего этим же поездом сестру.

– Ты за кем? – крикнул ему Облонский.

– Я за матушкой. Она должна приехать из Петербурга. А ты кого встречаешь?

– Я? Хорошенькую женщину, – сказал Облонский, – сестру Анну.

– Ах, Каренину? – спросил Вронский.

– Ты её знаешь?

– Кажется, знаю, – отвечал Вронский, представляя при имени Карениной что-то скучное.

– Но Каренина, моего знаменитого зятя, наверное, ты знаешь. Его весь мир знает.

.....

V ruštině 19. století bylo **vykání** považováno za znak vzdělanosti, stejně tak tomu je i v ruštině dnešní. Kromě toho vykání zdůrazňovalo oficiálnost a úctu. Na druhou stranu tykání značilo blízkost, důvěrnost. Tak jako vykání udržuje vzdálenost mezi lidmi, tykání naopak tuto vzdálenost velmi zkracuje.

Levin se chtěl nenápadně vytratit. Tu však vstoupil starý kníže a obrátil se na Levina.

„Ach!“ začal radostně. „Jsi tady už dlouho? Ani jsem nevěděl, že jsi tady. Velmi rád vás vidím.“

Starý kníže Levinovi někdy tykal, někdy vykal. Objal Levina, a zatímco s ním mluvil, nevšímal si Vronského, jenž povstal a klidně vyčkával, kdy se kníže obrátí k němu. Kitty pocítila, jak chladně její otec odpověděl na úklonu Vronského. A jak na něho Vronskij nechápavě pohlédl a snažil se přijít na to, proč byl k němu kníže nepřátelský.

Když večer skončil, vyprávěla Kitty matce o rozmluvě s Levinem a nehledě na lítost, kterou k němu pocítovala, ji těšilo pomýšlení, že ji požádal o ruku. Nepochybovala o tom, že se zachovala správně. „Je mi líto, ale co se dá dělat? Není to má vina,“ říkala si; vnitřní hlas jí však říkal něco jiného. Její štěstí kalily pochybnosti.

Na bálech Vronskij tančival především s Kitty. Povídal si s ní o různých nesmyslech, jak se obvykle povídá. Nicméně cítil, že je na něm stále více závislá. A čím více to cítil, tím příjemnější mu to bylo a jeho cit k ní byl něžnější. Ale toho večera Vronskij pocítil, že duchovní spojení, které vzniklo mezi ním a Kitty, se upevnilo natolik, že bylo třeba něco podniknout. „To je právě to úžasné,“ pomyslel si, když se vracel od Ščerbackých, „že si rozumíme beze slov, pouze z pohledů a intonace. A bylo by to ještě jasnější, kdyby řekla, že mě miluje. Milé, prosté a důvěřivé! Mně je dobře i jí je dobře.“

Následující den odjel Vronskij na Petěrburské nádraží přivítat matku. Tam potkal Oblonského, jenž čekal na sestru, která měla přijet stejným vlakem.

„Na koho čekáš?“ zavolal na něho Oblonskij.

„Na maticku. Má přijet z Petěrburgu. A na koho čekáš ty?“

„Já? Na půvabnou ženu,“ řekl Oblonskij, „na sestru Annu.“

„Ach, Kareninu?“ zeptal se Vronskij.

„Ty ji znáš?“

„Myslím, že ano,“ odpovídal Vronskij, představuje si pod jménem Karenina něco nudného.

„Ale Karenina, mého věhlasného švagra, znáš určitě. Zná ho celý svět.“

Na rozdíl od češtiny se **ruské pad** nepoužívá s určitým tvarem slovesným. Nejčastěji se pojí s infinitivem, s vedlejší větou nebo s 3. pádem:

Очень рад вас видеть.

Velmi rád vás vidím.

– Знаю, что он важный, умный и учёный... Ну что ж, тогда в воскресенье отужинаем? – сказал Вронский, с улыбкой взяв Облонского под руку.

– Непременно. А ты вчера познакомился с моим приятелем Левиным?

– Да, но он почему-то быстро уехал.

– Он немного нервный человек, но честная, правдивая натура, и золотое сердце. Но вчера была причина, почему он мог быть или особенно счастлив, или особенно несчастлив.

И тут Вронского осенило! Он понял, что вчера произошло у Щербацких.

– То есть он вчера сделал предложение твоей belle soeur?...

– Да, и если он рано уехал и был не в духе, то... Он так давно влюблён, и мне его жаль!

– Вот как!.. Я думаю, впрочем, что она может рассчитывать на лучшую партию, – сказал Вронский. – Однако вот и поезд.

Вдали засвистел паровоз. Вронский, стоя рядом с Облонским, оглядывал вагоны, но совершенно забыл о матери. То, что он сейчас узнал про Кити, возбуждало и радовало его. Он чувствовал себя победителем.

– Графиня Вронская в этом отделении, – сказал кондуктор, подходя к Вронскому.

При входе в вагон Вронский остановился, чтобы дать дорогу выходящей даме. Он извинился и направился в вагон, но почувствовал желание ещё раз взглянуть на неё. Не потому, что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной грации, которые были во всей её фигуре. А потому, что в выражении миловидного лица было что-то особенно ласковое и нежное. Когда он оглянулся, она тоже повернула голову.

Вронский вошёл в вагон. Его мать, сухая старушка с чёрными глазами, увидев сына, слегка улыбнулась тонкими губами.

– Хорошо доехали? – сказал сын, невольно прислушиваясь к женскому голосу из-за двери. Он знал, что это был голос той дамы, которая встретила его при входе.

– Посмотрите, не тут ли мой брат, и пошлите его ко мне, – сказала кому-то дама.

Вронский теперь понял, что это была Каренина.

– Ваш брат здесь, – сказал он. – Извините меня, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня.

– О нет, – я бы вас узнала, потому что мы с вашей матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас, – сказала она, улыбаясь. – А брата моего всё-таки нет.

.....
Золотое сердце (*фраз.*) – laskavý, hodný člověk

Belle soeur (*фран.*) – sestra manželky a manželka bratra

„Vím, že je vážený, inteligentní a vzdělaný... Tak co, povečeříme spolu v neděli?“ řekl Vronskij a s úsměvem vzal Oblonského za paži.

„Rozhodně. A seznámil ses včera s mým kamarádem Levinem?“

„Ano, jenže neznámo proč rychle odjel.“

„Je to poněkud nervózní, avšak čestný, pravdomluvný člověk a má zlaté srdce. Včera se však vyskytl důvod, proč mohl být buď velmi šťastný, nebo velmi nešťastný.“

A najednou Vronskému svitlo! Pochopil, co se odehrálo včera u Ščerbackých.

„To znamená, že včera požádal o ruku tvé belle soeur?“

„Ano, a jestli odjel brzy a nebyl ve své kůži, pak... Je dávno zamilovaný a je mi ho líto!“

„Tak takhle to je! Ostatně si myslím, že může počítat s lepší partií,“ řekl Vronskij. „Nicméně, vlak už je tady.“

V dále zahvízdala lokomotiva. Vronskij stál vedle Oblonského, rychle prohlížel vagóny, na matku však zcela zapomněl. To, co se právě dozvěděl o Kitty, ho vzrušovalo a těšilo. Cítil se jako vítěz.

„Hraběnka Vronská je v tomto vozu,“ řekl průvodčí, když přišel k Vronskému.

Při vstupu do vozu se Vronskij zastavil, aby uvolnil cestu vycházející dámě. Omluvil se a vstoupil do vozu, pocítil však potřebu ještě jednou se na ni podívat. Ne proto, že byla velmi krásná, ne pro tu eleganci a skromnou grácií, které byly patrné v celé její postavě. Ale proto, že ve výrazu sličné tváře bylo něco laskavého a něžného. Když se ohlédl, ona rovněž otočila hlavu.

Vronskij se vydal do vozu. Jakmile jeho matka, hubená stařenka s černýma očima, spatřila svého syna, její tenké rty se zlehka usmály.

„Dojela jste dobře?“ řekl syn a mimovolně se zaposlouchal do ženského hlasu za dveřmi. Věděl, že to byl hlas té dámy, kterou potkal u vchodu.

„Podívejte se, jestli tady není můj bratr a pošlete jej za mnou,“ řekla komusi.

Vronskij nyní pochopil, že to byla Karenina.

„Váš bratr je zde,“ řekl. „Promiňte, nepoznal jsem vás, ovšem viděli jsme se jen krátce,“ pronesl Vronskij s úklonou, „tak si na mne pravděpodobně nepamatujete.“

„Ó ne, poznala bych vás, protože jsme s vaší matičkou celou cestu mluvily pouze o vás,“ řekla s úsměvem. „A můj bratr tu přece jenom není.“

Neurčitá zájmena a příslovce s částicí -mo označují jistý, ale pro mluvčího neznámý předmět nebo osobu:

Лéвин почему-то бýстро уéхал. (*Měl jistý důvod, ale ten není mluvčímu znám.*)

Levin neznámo proč rychle odjel.

– Позови же его, Алёша, – сказала старая графиня.

Вронский вышел на платформу и крикнул:

– Облонский! Здесь!

Но Каренина, не дожидаясь брата, решительным лёгким шагом вышла из вагона. Брат подошёл к ней. И движением, поразившим Вронского своей решительностью и грацией, она обхватила Облонского левой рукой за шею, быстро притянула к себе и крепко поцеловала. Вронский, не спуская глаз, смотрел на неё и, сам не зная чему, улыбался.

Через несколько минут Каренина вернулась в вагон, чтобы проститься с графиней.

– Ну вот, графиня, вы встретили сына, а я брата, – весело сказала она. – И все мои дорожные истории закончились; дальше нечего было бы рассказывать.

– Ну, нет, – сказала графиня, – я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась. Вы одна из тех женщин, с которыми и поговорить и помолчать приятно. – А о сыне вашем, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться. Ну, прощайте, мой дружок, – проговорила графиня. – И дайте поцеловать ваше хорошенькое личико. Я полюбила вас.

Вронский провожал Каренину глазами, и улыбка оставалась на его лице. В окно он видел, как она подошла к брату и что-то оживлённо начала говорить. Вронский взял под руку мать. И когда они выходили из вагона, вдруг несколько человек с испуганными лицами пробежали мимо. Очевидно, что-то случилось.

– Что?.. Где?.. Бросился!.. Задавило!.. – слышалось между проходившими.

Степан Аркадьич с сестрой под руку, тоже с испуганными лицами, вернулись и остановились у входа в вагон. Дамы остались, а Вронский со Степаном Аркадьичем пошли за народом узнавать подробности. Стало известно, что какой-то человек, был ли он пьян или слишком закутан от сильного мороза, не слышал поезда, и его раздавило. Облонский и Вронский видели обезображенный труп. Облонский морщился и, казалось, готов был плакать.

– Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас! – приговаривал он.

Проходившие мимо люди переговаривались о том, что случилось:

– Вот смерть-то ужасная! – сказал какой-то господин. – Говорят, на два куска.

Вронский молчал, и красивое лицо его было серьёзно, но совершенно спокойно.

Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидел, что её губы дрожат и она с трудом сдерживает слёзы.

Дружок – žertovná, neformální forma oslovení kamaráda. Zvláště oblíbená v 19. století, používá se však i v současné ruštině.

„Tak ho zavolej, Aljošo,“ řekla stará hraběnka.

Vronskij vyšel na nástupiště a zavolal.

„Oblonskij! Tady!“

Karenina však na bratra nečekala a rozhodným lehkým krokem vystoupila z vozu. Bratr k ní přistoupil. A pohybem, který Vronského ohromil svou rozhodností a grácií, objala Oblonského levou rukou kolem krku, rychle si ho přitáhla k sobě a silně políbila. Vronskij se na ni díval a usmíval se, aniž by sám věděl proč.

Za několik minut se Karenina vrátila do vozu, aby se rozloučila s hraběnkou.

„Nuže, hraběnko, setkala jste se synem, já s bratrem,“ řekla vesele. „A všechny moje cestovní příběhy skončily; dál už bych neměla co vyprávět.“

„Ale kdepak,“ řekla hraběnka, „projela bych s vámi celý svět a nenudila bych se. Jste jedna z těch žen, s nimiž je příjemné si popovídat i pomlčet. A na svého syna, prosím, nemyslete: přece není možné se nikdy nerozloučit. Nu, sbohem, drahoušku,“ promluvila hraběnka. „Nechte mě políbit tu vaši roztomilou tvářičku. Zamílovala jsem si vás.“

Vronskij provázel Kareninu pohledem a na jeho tváři zůstával úsměv. Oknem uviděl, jak přistoupila k bratrovi a začala mu něco živě vyprávět. Vronskij nabídl matce rámě. Když vystupovali z vozu, proběhlo kolem nich najednou několik lidí s vylekanými výrazy. Zjevně se něco stalo.

„Co...? Kde...? Skočil...! Porazilo...!“ bylo slyšet mezi procházejícími.

Stěpan Arkadžič a jeho sestra, kterou vedl, se také s vylekanými obličejí vrátili a zastavili se u výstupu z vozu. Dámy zůstaly, zatímco Vronskij se Stěpanem Arkadžičem se vydali za davem zjistit podrobnosti. Vyšlo najevo, že jakýsi člověk, byl snad opilý nebo příliš zabalený před silným mrazem, neslyšel vlak a byl rozmačkán. Oblonskij a Vronskij viděli znetvořený trup. Oblonskij se mračil a vypadalo to, že se rozpláče.

„Ach, jaká hrůza! Ach, Anno, kdybys jen viděla! Ach, taková hrůza!“ stále opakoval.

Kolemjdoucí lidé si povídali o tom, co se stalo:

„Taková příšerná smrt!“ řekl jakýsi pán. „Říkají, že je na dva kusy.“

Vronskij mlčel. Jeho krásný obličej byl vážný, ale naprosto klidný.

Karenina nastoupila do kočáru a Stěpan Arkadžič si s překvapením všiml, že se jí chvějí rty a že stěží potlačuje slzy.

Slova, která v češtině a ruštině zní podobně či stejně, mohou občas mít zcela odlišný význam. Dejte pozor na následující slova:

жадный	<i>lakomý</i>	žádný	никакой
заказ	<i>objednávka</i>	zákaz	запрёт
запомнить	<i>zapamatovat si</i>	zapomenout	забыть

– Что с тобой, Анна? – спросил он.
– Дурное предзнаменование, – сказала она.
– Какие пустяки! – сказал Степан Аркадьич. – Ты приехала, и это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.
– А ты давно знаешь Вронского? – вдруг спросила она.
– Да. Ты знаешь, мы надеемся, что он женится на Кити.
– Да? – тихо сказала Анна. – Ну, теперь давай говорить о тебе, – прибавила она, встряхивая головой, будто хотела отогнать что-то мешавшее. – Я получила письмо и приехала. Ну, расскажи мне всё.
И Степан Аркадьич стал рассказывать.

IV

Долли была убита горем. Однако она помнила, что Анна, золовка, была женой одного из важнейших лиц в Петербурге и петербургской *grande dame*. И поэтому она не забыла, что придет золовка. «Да, наконец, Анна ни в чём не виновата, – думала Долли. – Я о ней ничего, кроме самого хорошего, не знаю. И в отношении ко мне я видела только ласку и дружбу. Только бы она не вздумала утешать меня!». Долли вдруг вспомнила своё впечатление о семье Карениных. Ей не нравился их дом: было что-то фальшивое во всём складе их семейного быта.

Все эти дни Долли была одна с детьми. Говорить о своём горе она не хотела, но и ни о чём другом говорить не могла. Она знала, что, так или иначе, она Анне выскажет всё. Услышав шум платья и лёгких шагов уже в дверях, она оглянулась, встала и обняла золовку.

– Долли, как я рада тебя видеть!

– И я рада, – слабо улыбнулась Долли. «Уже знает», – подумала она, заметив соболезнование на лице Анны. Долли ждала теперь притворно-сочувственных фраз.

– Долли, милая! – сказала Анна, – я не хочу утешать тебя – это теперь неуместно. Но, душенька, мне просто жалко, жалко тебя всей душой!

Она подсела ближе к невестке и взяла её руку. Долли не отстранилась, но лицо её не изменило своего сухого выражения. Она сказала:

.....
Золо́вка – manželova sestra

Неве́стка – bratrova manželka; všeobecně jakákoli vdaná žena ve vztahu k příbuzným jejího manžela

„Co je s tebou, Anno?“ zeptal se.

„Zlé znamení,“ řekla.

„Takové nesmysly!“ řekl Stěpan Arkadjič. „Přijela jsi a to je to hlavní. Nedokážeš si představit, jak na tebe spoléhám.“

„A ty znáš Vronského dlouho?“ zeptala se najednou.

„Ano. Víš, doufáme, že se ožení s Kitty.“

„Ano?“ řekla tiše Anna. „Nu, pojďme si teď promluvit o tobě,“ dodala a pohodila hlavou, jako by chtěla odehnat něco nepříjemného. „Dostala jsem dopis a přijela. Tak mi pověz všechno.“

A Stěpan Arkadjič začal vyprávět.

IV

Dolly byla zdrcena žalem. Nicméně měla na paměti, že Anna, švagrová, byla manželka jedné z nejvlivnějších osob v Petěrburgu a petěrburská grande dame. Proto nezapomněla, že švagrová přijede. „Ano, koneckonců Anna za nic nemůže,“ myslila si Dolly. „Vím o ní jen to nejlepší. Ve vztahu ke mně jsem viděla pouze vlídnost a přátelství. Jen aby ji nenapadlo mne utěšovat!“ Dolly si najednou vybavila dojem z rodiny Kareninových. Nelíbil se jí jejich dům: v celém jejich rodinném životě bylo něco falešného.

Po všechny tyto dny byla Dolly sama s dětmi. Mluvit o svém neštěstí nechtěla, avšak ani o ničem jiném mluvit nemohla. Věděla, že tak či onak poví Anně vše. Jakmile uslyšela šustění šatů a lehké kroky ve dveřích, ohlédlá se, vstala a objala švagrovou.

„Dolly, jak ráda tě vidím!“

„Také jsem ráda,“ usmála se slabě Dolly. „Už to ví,“ pomyslela si, sotva si všimla soucitu v Annině obličejí. Nyní Dolly očekávala hrané soucitné fráze.

„Dolly, drahoušku!“ řekla Anna. „Nechci tě utěšovat – teď se to nehodí. Ale, drahoušku, je mi tě líto, líto z celého srdce!“

Přisedla si ke švagrově blíž a vzala ji za ruku. Dolly se neodtáhla, avšak kyselý výraz v tváři se nezměnil. Řekla:

Odlišné slovesné vazby:

надѣяться на кого/что
жениться на ком

doufat v koho/co
oženit se s kým

– Утешить меня нельзя. Всё потеряно после того, что было!

– Но, Долли, что же делать, что же делать? Как поступить в этом ужасном положении?

– Всё кончено! – сказала Долли. – И хуже всего то, что я не могу его бросить; я связана с ним детьми. Но жить с ним я не могу, это мучительно – видеть его.

– Долли, голубчик, он говорил мне, но я от тебя хочу слышать. Скажи мне всё.

Непритворные участие и любовь были видны на лице Анны.

– Ты знаешь, как я вышла замуж. Я с воспитанием тамап не только была невинна, но и глупа. Ты не поверишь, но я до сих пор думала, что я единственная женщина, которую он знал. Я не только не подозревала неверности, я считала это невозможным! И тут – с такими понятиями – узнать весь ужас, всю гадость... Быть уверенной в своём счастье, и вдруг увидеть его письмо к своей любовнице! – Она вынула платок и закрыла им лицо. – Он обманывал меня... И с кем же?.. Продолжать быть моим мужем... И ты думаешь, что он понимает весь ужас моего положения? – продолжала Долли. – Нисколько!

– О нет! – быстро перебила Анна. – Он жалок, он убит раскаянием...

– Способен ли он к раскаянию? – перебила Долли, внимательно вглядываясь в лицо золовки.

– Да, я его знаю. Я не могла без жалости смотреть на него. Он добр, но он горд, а теперь унижен. Главное, что меня тронуло (и тут Анна угадала главное, что могло тронуть Долли) – его мучают две вещи. Одно – ему стыдно перед детьми, и другое – что он, любя тебя, сделал тебе больно, убил тебя.

– Да, я понимаю, что положение его ужасно, – сказала Долли. – Но как же простить, как мне быть его женой после неё? Она молода, красива, – продолжала она. – А у меня молодость, красота взяты кем? Им и его детьми. Я отслужила ему, и ему теперь, разумеется, свежее существо приятнее. И после я буду верить ему? Никогда. И ужасно то, что вдруг душа моя перевернулась и вместо любви, нежности у меня к нему одна злоба...

– Я одно скажу, – ответила Анна, – я его сестра, я знаю его характер, эту способность полного увлечения, но зато и полного раскаяния. Долли, скажи, есть ли в твоей душе ещё любовь к нему? Настолько ли её хватит, чтобы можно было простить? Если есть, то прости!

– Да, но ты простила бы?

.....
Голубчик (*hovor.*) – laskavé oslovení

Maman (*fran.*) – oslovení matky ve šlechtických kruzích

„Není možné mne utěšit. Vše je ztraceno, po tom, co bylo!“

„Ale Dolly, co dělat, co tedy dělat? Jak se zachovat v této hrozné situaci?“

„Vše skončilo!“ řekla Dolly „A nejhorší je to, že ho nemohu opustit, spojují nás děti. Žít s ním však nemohu, souží mne, když ho jen vidím.“

„Dolly, drahousku, vyprávěl mi to, jenže já to chci slyšet od tebe. Řekni mi všechno.“

Na Annině obličej byl patrný opravdový soucit a láska.

„Víš, jak jsem se vdávala. Kvůli výchově mamán jsem byla nejen nevinná, ale i hloupá. Nebudeš mi věřit, až doposud jsem si myslela, že jsem jediná žena, kterou znal. Nejenom že jsem ho nepodezívala z nevěry, já jsem to považovala za nemožné! No, a s takovými představami se dozvědět všechnu tu hrůzu, všechnu špínu... Být přesvědčena o svém štěstí a najednou uvidět jeho dopis milence!“ vyndala si kapesník a zakryla jím obličej. „Podváděl mne... A s kýmpak? Být dál mým manželem... A ty si myslíš, že on chápe mou strašnou situaci?“ pokračovala Dolly. „Ani trochu!“

„Tak to není!“ rychle ji Anna přerušila. „Lituje toho, je zdrcen pokáním...“

„Je vůbec schopen se kát?“ přerušila ji Dolly, pozorně se dívající do obličeje své švagrové.

„Ano, znám ho. Nemohla jsem se na něho dívat bez lítosti. Je hodný, ale je hrdý a nyní je ponížený. Hlavně, co mne dojalo (tady Anna uhodla to hlavní, co by mohlo Dolly dojmout) – trápí ho dvě věci. Jedna – stydí se před dětmi, druhá – že ačkoli tě miluje, ti způsobil bolest, jako by tě zabil.“

„Ano, chápu, že je v hrozné situaci,“ řekla Dolly. „Jak ale mám odpustit, jak mám být jeho ženou po ní? Je mladá, krásná,“ pokračovala. „A mou mladost, krásu – kdo vzal? On a jeho děti. Posloužila jsem mu a jemu je teď pochopitelně příjemnější čerstvá bytost. A potom mu budu věřit? Nikdy. A hrozné je to, že se najednou moje duše převrátila, a místo lásky, něžnosti k němu cítím jen zlost...“

„Řeknu ti jedno,“ odpověděla Anna. „Jsem jeho sestra, znám jeho povahu, tu schopnost plného nadšení, zato však i upřímného pokání. Dolly, řekni, cítíš k němu ve své duši ještě lásku? Stačí natolik, abys mu mohla odpustit? Pokud ano, tak mu odpusť!“

„Ano, ale ty bys odpustila?“

Slovo **одін** (одна, одно, один) kromě svého významu *jeden* se často používá také ve významu *jen, pouze*:

У меня к нему одна злоба. = У меня к нему только злоба. *Cítím k němu jen zlost.*

Я одно скажу... = Я только скажу... *Řeknu ti jedno... / Řeknu ti jen...*

– Да, я простила бы. Я не была бы уже тем человеком, что раньше, но простила бы, и так простила бы, как будто этого не было, не было никогда.

– Ну, разумеется. Если простить, то навсегда. Ну, пойдём, я тебя проведу в твою комнату, – сказала она, вставая, и по дороге обняла Анну. – Милая моя, как я рада, что ты приехала. Мне легче, гораздо легче стало.

Анна всё утро провела с Долли и с детьми. Она послала записочку брату, чтоб он обедал дома. И Облонский обедал дома. Жена говорила с ним, называя его «ты», чего прежде не было. В отношениях мужа и жены оставалась отчуждённость, но уже не было речи о разлуке, и Степан Аркадьич надеялся на примирение.

После обеда приехала Кити. Она мало знала Анну и ехала к сестре не без волнения перед тем, как её примет эта петербургская светская дама. Анна оказалась не похожа на светскую даму или на мать восьмилетнего сына. По гибкости движений, свежести и оживлению её лица она скорее походила на двадцатилетнюю девушку. Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста, но что в ней был какой-то сложный и поэтический мир.

После обеда, когда Долли вышла в свою комнату, Анна быстро встала и подошла к брату, который закуривал сигару.

– Стива, – сказала она ему, указывая на дверь глазами. – Иди, и помогай тебе бог.

Он бросил сигару и скрылся за дверью. Когда Степан Аркадьич ушёл, она вернулась на диван, где сидела окружённая детьми. Они тоже чувствовали в ней особенную прелесть и не отходили от неё.

– Так когда новый бал? – обратилась она к Кити.

– На будущей неделе, и прекрасный бал. Один из тех балов, на которых всегда весело. Я очень рада буду, если вы поедете. Я бы так хотела вас видеть там!

– А я знаю, что вы многого ждёте от этого бала! Стива мне говорил, и я поздравляю вас, он мне очень нравится, – продолжала Анна, – я встретила Вронского на железной дороге.

– Ах, он был там? – спросила Кити покраснев. – Что же Стива сказал вам?

– Стива мне всё разболтал. А я ехала вчера с матерью Вронского, – продолжала она, – и мать, не умолкая, говорила мне про него, – Анна помолчала. – Например, она говорила, что он отдал всё состояние брату, что в детстве он спас женщину из воды. Словом, герой.

.....

Složená přídavná jména, jejichž první částí je číslovka, se piší dohromady. Číslovka má tvar 2. pádu. V případě, že první částí je číslice, se piší s pomlčkou, např.:

двадцатилетняя девушка,	<i>ale</i>	20-лётняя девушка
стометровая дистанция,	<i>ale</i>	100-метровая дистанция
тридцатиградусная жара,	<i>ale</i>	30-градусная жара

„Ano, odpustila bych. Nebyla bych už stejným člověkem jako dříve, ale odpustila bych, jako by se to nestalo, nikdy nestalo.“

„Samozřejmě. Když odpustit, tak navždy. Tak pojd', doprovodím tě do tvého pokoje,“ řekla, postavila se a po cestě Annu objala. „Moje milá, jsem tak ráda, že jsi přijela. Ulevilo se mi, velmi se mi ulevilo.“

Anna strávila celé ráno s Dolly a dětmi. Bratrovi poslala vzkaz, aby obědval doma. A Oblonskij tedy obědval doma. Žena s ním hovořila a tykala mu, což dříve nebývalo. Ve vztahu manželů přetrvávalo odcizení, ale už nebyla řeč o rozchodu a Stěpan Arkadjič doufal v usmíření.

Po obědě přijela Kitty. Znala Annu málo a jela za sestrou ne bez obav z toho, jak ji přijme tato petěrburská dáma z vyšší společnosti. Anna však nevypadala na dámu z vyšší společnosti nebo na matku osmiletého syna. Pružností svého pohybu, svěžestí a živým výrazem se spíše podobala dvacetileté dívce. Kitty vycítila, že ačkoli je Anna zcela přirozená, má v sobě jakýsi složitý poetický svět.

Po obědě, když Dolly odešla do svého pokoje, Anna rychle vstala a přistoupila ke svému bratrovi, který si připaloval doutník.

„Stivo,“ řekla mu a očima ukazovala na dveře. „Jdi a pomáhej ti bůh.“

Zahodil doutník a zmizel za dveřmi. Jakmile Stěpan Arkadjič odešel, vrátila se na pohovku, kde seděla obklopena dětmi. Také ony v ní cítily zvláštní kouzlo a nepouštěly ji ani na okamžik.

„Tak kdy je nový ples?“ obrátila se na Kitty.

„Příští týden je překrásný ples. Jeden z těch, na kterých je vždy veselo. Budu velmi ráda, jestli půjdete. Moc bych si přála vás tam vidět!“

„Vím, že od toho balu hodně očekáváte! Stiva mi říkal, blahopřeji vám, velmi se mi líbí,“ pokračovala Anna, „setkala jsem se s Vronským na nádraží.“

„Ach, on tam byl?“ zeptala se Kitty a zrudla. „Copak vám Stiva řekl?“

„Stiva mi všechno povykládal. Jela jsem včera s matkou Vronského,“ pokračovala, „a matka mi o něm bez přestávky vyprávěla,“ Anna na chvíli zmlkla. „Například říkala, že dal celý majetek bratrovi, že v dětství zachránil tonoucí ženu z vody. Jedním slovem – hrdina.“

Jsou-li v ruské **účelové větě** různé činitelé věty hlavní a vedlejší, používají se ve vedlejší větě tvary minulého času (stejně jako v češtině):

Она послала записочку брату, чтоб он обедал дома. (*Jsou dva různé činitelé – ona a ón.*)
Bratrovi poslala vzkaz, aby obědval doma.

Вышли Долли и Степан Аркадьич. Весь вечер Долли была слегка насмешлива по отношению к мужу. А Степан Аркадьич был доволен и весел, но настолько, чтобы не показать, что он забыл свою вину. «Полное, полное примирение, – подумала Анна, – и слава богу!». И радуясь тому, что она была причиной этого, она подошла к Долли и поцеловала её.

Немного спустя эта радостная и приятная вечерняя семейная беседа у Облонских была нарушена простым событием. Но это простое событие почему-то всем показалось странным.

В передней послышался звонок.

– Кто это может быть? – сказала Долли.

– За мной рано, – заметила Кити.

Степан Аркадьич пошёл встречать. В это время Анна проходила мимо лестницы. Она взглянула вниз и тотчас же узнала Вронского. Странное чувство удовольствия и страха вдруг шевельнулось у неё в сердце. Он поднял глаза, и в выражении его лица промелькнуло что-то стыдливое и испуганное. Она прошла в комнату. И тут же послышался голос Степана Аркадьича, звавшего гостя войти, и негромкий, мягкий голос отказывавшегося Вронского.

Степан Аркадьич вернулся в комнату и рассказал, что Вронский приезжал узнать об обеде, который они давали завтра.

– И ни за что не хотел войти. Какой-то он странный, – прибавил Степан Аркадьич.

Кити покраснела. Она подумала: «Он был у нас, не застал меня и подумал, я здесь. Но не вошёл, оттого что поздно, и Анна здесь». Ничего не было странного в том, что человек заехал к приятелю поздно вечером узнать подробности затеваемого обеда и не вошёл; но всем это показалось странно. Более всех странно это показалось Анне.

.....

České předponě z- (ze-), která se pojí se slovesy a označuje změnu psychického či fyzického stavu, v ruštině odpovídá předpona *но-*:

покраснеть *zčervenat, zrudnout*

побледнеть *zblednout*

похорошеть *zkrásnět*

поумнеть *zmoudřet*

Kromě toho podobná ruská slovesa můžeme přeložit pomocí opisu *stát se + přídavné jméno*:
повеселеть – *stát se veselejším*, повзрослеть – *stát se dospělejším*.

Vstoupili Dolly a Stěpan Arkadjič. Celý večer byla Dolly zlehka ironická v chování k manželovi. A Stěpan Arkadjič byl spokojený a veselý, ale jen do té míry, aby neukázal, že zapomněl na svou vinu. „Úplné, úplné usmíření,“ pomyslela si Anna, „zaplať pánbůh!“ Z té radosti, že se tak stalo díky ní, přistoupila k Dolly a políbila ji.

O chvíli později byla tato radostná a příjemná večerní konverzace u Oblonských narušena obyčejnou příhodou. Avšak tato obyčejná příhoda se z neznámých důvodů zdála všem divná.

V předsíni zazvonil zvonek.

„Kdo to může být?“ řekla Dolly.

„Pro mě je to ještě brzy,“ poznamenala Kitty.

Stěpan Arkadjič šel přivítat návštěvu. V tom okamžiku Anna procházela kolem schodiště. Pohlédla dolů a okamžitě poznala Vronského. Projel jí zvláštní pocit spokojenosti i obavy. Zvedl oči a v jeho výrazu se mihl jakýsi ostych a úlek. Zašla do pokoje. Hned poté byl slyšet hlas Stěpana Arkadjiče, který zval hosta dál, a tichý, měkký hlas odmítajícího Vronského.

Stěpan Arkadjič se vrátil do pokoje a sdělil, že Vronskij se přijel zeptat na oběd, který budou zítra podávat.

„Ani za nic nechtěl jít dál. Byl nějaký divný,“ dodal Stěpan Arkadjič.

Kitty zrudla. Pomyslela si: „Byl u nás, nezastihl mne tam a odtušil, že jsem zde. Ale nešel dál, protože je již pozdě a je tady Anna.“ Nebylo nic zvláštního na tom, že se člověk staví pozdě večer u kamaráda zjistit podrobnosti o chystaném obědě a nejde dál; všem to však připadalo divné. Nejzvláštnější to připadalo Anně.

V **ruských záporných zájmenech a příslovcích с НИ** se předložka klade mezi předponu ни- a zájmeno:

Вронский ни за что не хотел войти к Облонским.

Я ни с кем не хотел говорить вчера.

Меня ни для кого нет.

Vronskij ani za nic nechtěl jít dál k Oblonským.

S nikým jsem вчера nechtěl mluvit.

Pro nikoho nejsem doma.

V

Кити и правда многого ждала от этого бала. Именно теперь, когда Вронский встретил мать, которую он ждал, всё должно решиться. И Кити блистала. Платье сидело великолепно, в обнажённых плечах и руках Кити блестела холодная мраморность. Глаза горели, и румяные губы не могли не улыбаться от сознания своей привлекательности. Кити увидела прелестную фигуру и голову Анны. Она была проста, естественна, изящна и вместе весела и оживленна.

И Вронский был тут. Кити не видела его с того вечера, когда она отказала Левину. Вронский подошёл к Кити и пригласил на вальс. Она посмотрела на его лицо, которое было на таком близком расстоянии. Её взгляд был полон любви. Но долгие годы потом этот взгляд, на который он ей не ответил, мучительным стыдом будет резать её сердце... Они прошли несколько туров вальса. После вальса он пришёл за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительного не было сказано. Но Кити и не ожидала большего от кадрили. Она с замиранием сердца ждала мазурки. Ей казалось, что в мазурке всё должно решиться. Весь бал был для Кити волшебным сновидением радостных цветов, звуков и движений.

Вдруг она увидела Вронского с Анной. Они говорили, и в её глазах горел радостный блеск, и улыбка счастья изгибала её румяные губы. Кити посмотрела на него и ужаснулась. То, что Кити заметила в лице Анны, она увидела и на его лице. Весь бал, весь свет, всё закрылось туманом в душе Кити. Она поняла, что Каренина и Вронский в этом полном зале чувствовали себя наедине. И на лице Вронского, всегда твёрдом и независимом, она увидела поразившее её выражение потерянности и покорности, похожее на выражение умной собаки, когда она виновата. Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити к лицу Анны. Она была прелестна, но было что-то ужасное и жестокое в её прелести. Кити чувствовала себя раздавленной, и лицо её выражало это. Когда Вронский увидел её, столкнувшись с ней в мазурке, он вдруг не узнал её – так она изменилась.

Анна не осталась ужинать и уехала. Рано утром она послала мужу телеграмму о своём выезде из Москвы в тот же день. Долли показалось, что Анна не в духе. После обеда Анна пошла одеваться в свою комнату, и Долли пошла за ней.

– Какая ты нынче странная! – сказала ей Долли.

– Я? Эх, бывает со мной. Мне хочется плакать. Это очень глупо, но это происходит. Мне из Петербурга не хотелось уезжать, а теперь отсюда не хочется.

Sloveso **сидеть** se často používá ve vztahu k oblečení a má při tom význam *padnout*:

Платье сидело великолепно.

Šaty jí skvěle padly.

Эта юбка на тебе плохо сидит.

Ta sukně ti nesedí.

Быть не в духе (*fraz.*) – mít špatnou náladu

V

Kitty skutečně očekávala od tohoto plesu hodně. Právě teď, když Vronskij vyzvedl matku, na kterou čekal, se vše musí rozhodnout. Kitty zářila. Šaty jí skvěle padly a na obnažených ramenech a rukách se jí leskla chladná mramorovost. Oči jí zářily a rudé rty se při vědomí vlastní přitažlivosti nemohly neusmívat. Kitty uviděla Anninu půvabnou postavu a hlavu. Byla prostá, přirozená, elegantní a zároveň veselá a živá.

Vronskij tady byl také. Kitty ho neviděla od toho večera, kdy odmítla Levina. Vronskij přistoupil ke Kitty a požádal ji o valčík. Podívala se mu do tváře, která byla tak blízko. Její pohled byl plný lásky. Avšak na dlouhá léta poté ji bude tento pohled, na který nereagoval, mučivým studem řezat v srdci... Odtančili několik valčíků. Po valčíku za ní přišel pro první čtverylku. Během čtverylky nebylo řečeno nic podstatného. Kitty však od čtverylky nic víc nečekala. Se zatajeným dechem čekala na mazurku. Zdálo se jí, že se při mazurce musí všechno vyřešit. Celý ples byl pro Kitty kouzelným snem radostných květů, zvuků a pohybů.

Najednou uviděla Vronského s Annou. Bavili se spolu. Oči jí hořely radostí a rty vlnil šťastný úsměv. Kitty se na něho podívala a zhrozila se. To, čeho si všimla na Annině výrazu, zahlédla i v jeho tváři. Celý ples, celý svět, vše se v Kittině duši zahalovalo mlhou. Pochopila, že Karenina a Vronskij se v plném sále cítili sami. Omráčilo ji, že ve vždy tvrdém a nezávislém obličejí Vronského uviděla tápající a pokorný výraz, podobající se výrazu chytrého psa, když něco provede. Anna se usmála, což i u něj vyvolalo úsměv. Nějaká nadpřirozená síla přitahovala Kittin pohled k obličejí Anny. Byla překrásná, bylo však něco děsivého a tvrdého v jejím půvabu. Kitty se cítila rozdrčená, což vystihoval i její výraz. V okamžiku, kdy ji Vronskij spatřil, když na sebe narazili při mazurce, najednou ji nepoznal – tolik se změnila.

Anna nezůstala na večeři a odjela. Brzy ráno poslala manželovi telegram o svém odjezdu z Moskvy toho dne. Dolly se zdálo, že Anna není ve své kůži. Po obědě se Anna odešla obléknout do svého pokoje a Dolly šla za ní.

„Jaká jsi dnes nějaká divná!“ řekla jí Dolly.

„Já? Ach, to se mi stává. Chce se mi plakat. Je to velmi hloupé, ale to přejde. Nechtělo se mi odjíždět z Petěrburgu a teď se mi nechce odsud.“

V ruštině se velice často používají **modální konstrukce** *хочется* (*кóмý чтó*) nebo zdvořilejší *хотелось бы* (*кóмý чтó*), které vyjadřují potřebu, chtění:

Мне хочется плакать.

Chce se mi plakat.

Мне хотелось бы быть с вами всегда.

Chtěl bych být vždy s vámi.

Но Каренина, не дожидаясь брата, решительным лёгким шагом
вышла из вагона.